

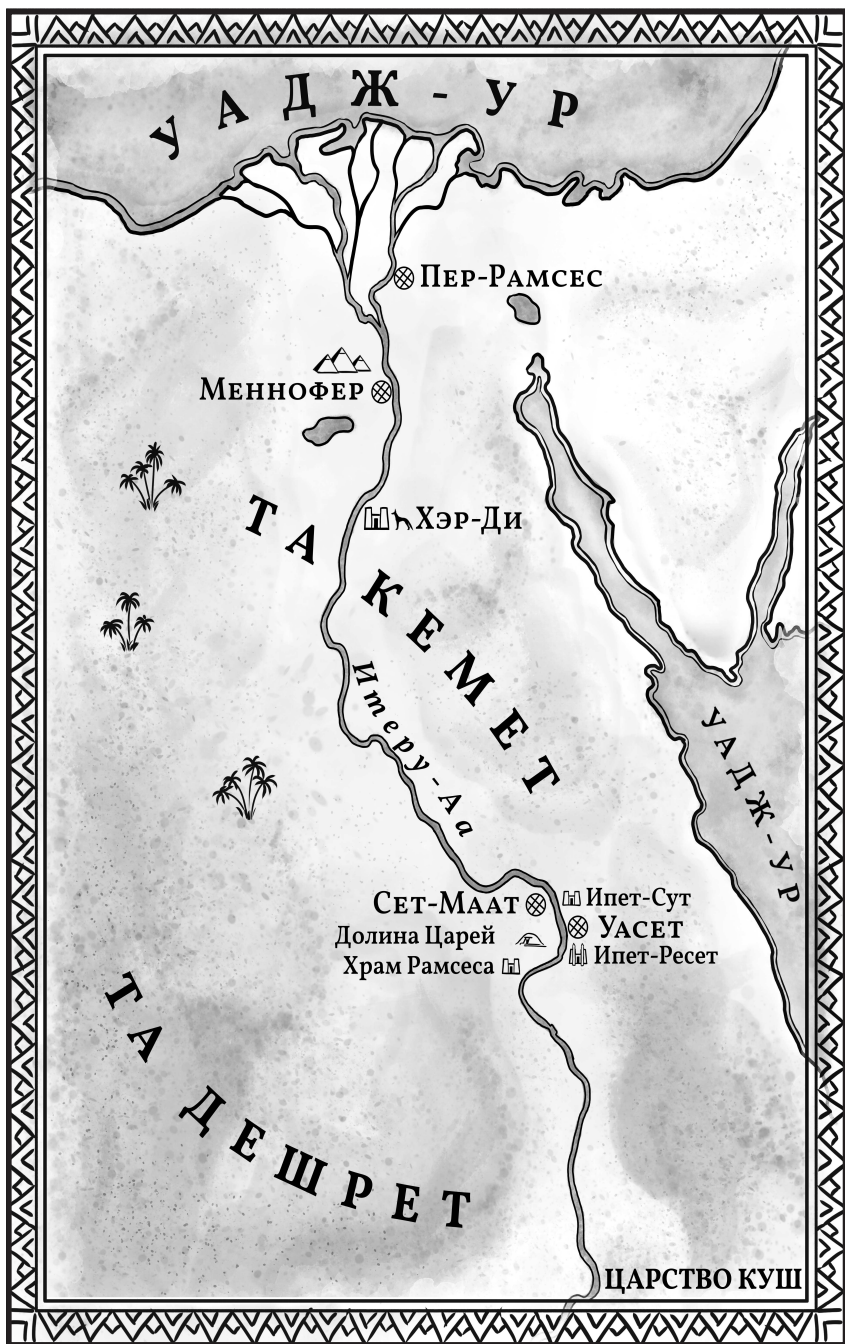
АННА СЕШТ

СМЕРТЬ ПРИДЁТ

ЛЁГКИХ КРЫЛЬЯХ

N SUGAR
BOOKS

Москва
2024

*Ваши тела не сгнили, и не разложилась ваша плоть,
Вы избавляетесь от вашей влаги
И дышите так, как я повелел вам.
Вы — те, кто в водах Нун,
Плывете за отцом моим,
дабы ваши души-Ба могли жить!¹*

¹ Отрывок из древнеегипетского погребального текста: «Ам-Дуат: Книга Сокрытого Покоя» (перевод с древнеегипетского — Д. Уорбертон, перевод с английского — А. Сешт). Душа-Ба — одна из составляющих человеческой души в древнеегипетской космогонии, ближе всего связана с личностью. Изображалась в виде птицы с человеческим лицом (здесь и далее — примеч. автора).

Копирование,
тиражирование и распространение
материалов, содержащихся в книге, допускается только
с письменного разрешения правообладателей.

ПРОЛОГ

Глубины были темны и бездонны, как беззвездное небо, и, казалось, она ослепла, созерцая их. В ее теле больше не было силы, и руки, скрещенные на груди, не могли подняться даже для единственного гребка.

Тягучие воды мерцали матовым блеском, словно ртуть или потускневшее от времени зеркало, и это было ее единственным светом. Ее грудь силилась подняться для вдоха, но толща вод смыкалась вокруг, запеленывая погребальным саваном.

И вокруг плыли другие тела, такие же безвольные, безымянные, уносимые все дальше. Сознание онемело, оцепенело в этой шелестящей тишине, плещущейся чьими-то далекими голосами — криками ли, стонами или безнадежным зовом, рассыпающимся где-то в незримых сводах бесконечных пещер.

Смутно она помнила, что у нее должны быть крылья и что кто-то должен сохранить ее имя, иначе она растворится здесь.

Смутно она помнила имена Врат и Стражей на пути, который должна пройти, иначе она не найдет себя.

Смутно...

И не было ни боли, ни страха — лишь постепенное угасание воли, погружение в многоликую зыбкость, в которой не узреть и не вспомнить отражения собственного лица...

Пространство вокруг пришло в движение. *Нечто* прорезало тягучие воды — огромное, великое, рассекающее пространство многообразной вечности из века в век. И, очнувшись от погибельной дремоты, она и другие обратили свои взоры к ослепительному сиянию Божественной Ладьи.

Шевельнулось внутри узнавание, память о том, каково это — сделать вздох, протянуть руки навстречу могучему зову жизни, противиться которому не могло ничто здесь. И она вздохнула, закричала, выплеснутая первозданными водами...

* * *

Тысячи пещер и переходов распахнулись перед ее сознанием, наполненные иной, потусторонней жизнью. Обитавшие здесь сущности слетались к ней, зовя, касаясь, пробуя на вкус.

Она распрямилась, потерянная, вспоминая, что у нее было тело, был облик и имя. И впервые ее

окутал страх — она отчаянно пыталась вспомнить и *не могла*. Вот она, нить, на кончиках пальцев — ускользает безвозвратно, как ни пытайся поймать. А вместе с именем тает и путь, по которому можно было бы вернуться...

Тягучая подвижная темнота разбивалась на сотни отражений, пока одна из форм не востала перед ней — не чуждая, как многое здесь, но до боли знакомая.

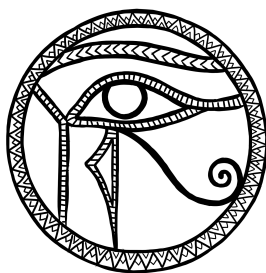
С отчаянием она протянула свою призрачную хрупкую руку, нащупывая темную шерсть зверя, более настоящую, чем она сама. Путеводными звездами вспыхнули во мраке глаза. Она обняла зверя, прильнула к нему, излучающему живое тепло, безошибочное *родство*.

Черный пес, проводник душ, повел ее сквозь зыбкое пространство полузабытья, и другие сущности отступали, более не пытаясь поглотить ее или задержать.

С каждым шагом она сама становилась все реальнее, и где-то далеко ее сердце вспоминало, как биться, в тягучем ритме повторяя имя ее божества.

Инпут...

Инпут...

ГЛАВА I

*1-й год правления² Владыки
Рамсеса Хекамаатра³-Сетепенамона⁴*

Шепсет

Песок и мелкие камешки рассыпались от каждого шага, царапая огрубевшие подушечки лап. Она остановилась, поскребла зубами между паль-

² Древние египтяне начинали отсчет лет с начала правления каждого нового фараона.

³ Хекамаатра-Сетепенамон — тронное имя Рамсеса IV.

⁴ Каждый фараон, помимо личного имени, данного при рождении, имел так называемые тронные имена, получаемые при коронации. Египтяне не титуловали своих владык как Рамсес Первый, Второй и т. п., обозначая как раз по тронным именам. Эти имена связывали фараонов с богами и даровали дополнительную магическую защиту.

цами, выгрызая застрявший камень. Встряхнулась, продолжая путь. Несколько других присоединились к ней.

Ее люди в эти дни были беспокойны. Весь некрополь, вверенный ей и ее стае, гудел, как разоренный улей. В воздухе пахло кровью и смертью — легкий пока аромат, предчувствие настоящего запаха, который она и подобные ей умели узнавать.

Плохо, плохо. Уйдут раньше срока те, кто не должен. Многим душам нужно будет помочь отыскать потаенные тропы во мраке.

Она не знала слов людского языка, но жила подле них слишком долго, чтобы узнавать смыслы. Люди скорбели и боялись, оплакивая свое божество. Его срок переродиться тоже, похоже, наступил слишком рано. Закатилась солнечная ладья, которой надлежало подниматься над горизонтом еще несколько сезонов.

Она чужала такие вещи и редко ошибалась.

Не ошиблась и сегодня. Много душ она проводила Туда, а вот нырять в первозданный мрак и приводить кого-то обратно приходилось нечасто. Но так повелела Первая. Найти, вернуть, привести... И она справилась. Теперь нужно было немного подождать.

А еще — отыскать кое-кого подходящего... кого-то, кто умел слышать и чувствовать. Той пона-

добится подспорье, сама, поди, не справится. Да только где ж его отыщешь, когда вот-вот разразится буря и люди так волнуются, не слыша даже друг друга. А времени немного...

Вот он. Щенок, входящий в силу пса-стража. Она помнила его и его стаю, помогавшую охранять некрополь живых Богов. Подойдет.

Ее люди относили в этот дом тела. Граница между Здесь и Там зыбкая. Вот-вот проснетя та, которую она привела. Сюда же она привела и стража, пока буря не унесла его к другому берегу, как тростниковую лодку.

Она села в стороне, коротко махнула хвостом по песку, усыпавшему тропу, и теперь неотрывно смотрела на щенка, которого выбрала. Другие собрались вокруг нее, молчаливые наблюдатели. Под их взглядами щенку было неуютно — он и сам пока не знал, что именно чуял.

Но чуял.

* * *

Пальцы дрогнули, сжимая шерсть зверя... нет, грубый лен.

Далекие голоса омывали границы ее восприятия, бились, словно волны о борта ладьи, понемногу становясь все четче. Тихий невнятный гул складывался в слова:

— ...позорная смерть...

— ...в шкуры. Пускай сгниют.

— Забвение. Ведь совсем девчонки еще.

— Хотя что-то мы можем сделать? Не по-людски это как-то... и не по нашим обетам.

— Хотите присоединиться? — голос осек, словно удар хлыста. — За все приходится платить. Особенно тем, кто посягнул *на Бога*.

Тихий шепот — молитва о том, чтоб не коснулась тень такого неслыханного кощунства. И снова тот же голос:

— Новый Владыка приказал позаботиться только об *этой*. Сам просил за нее. Остальных уносите.

— И ты...

— Сам займись. Выполняйте что велено.

Шаркающие шаги удалились. Стало так тихо, словно здесь не осталось живых. Но она чувствовала, что не одна здесь, запертая в ловушке холодного тела.

Чья-то воля продолжала настойчиво тянуть ее.

«Пробудись, пробудись...»

Эта воля разгоняла заново кровь, подтачивала кости, тревожила струны мышц и сухожилий болезненно, безжалостно.

«Ты нужна нам».

«Вернуть память».

«Вернуть истину».

«Пробудись, пробудись!..»

В многоликом шепоте, ставшем совсем далеким, голос своей Богини она различала ярче прочих.

«Первозданные воды омывают тебя. Дарую тебе свое дыхание — дыхание Западного Берега. Твоя плоть жива. Твое дело еще не закончено, моя Шепсет...»

Шепсет.

Ее звали Шепсет.

Осознав свое имя, она сумела, наконец, сделать судорожный вздох, сладкий, как ритуальное вино...

И в тот самый миг боль вспышкой рассекла ей бок.

Она закричала, распахнула глаза, встречаясь взглядом со склонившимся над ней Инпу⁵, Первым из Западных.

Нет... конечно же, всего лишь жреца, воплощавшего Инпу.

Мужчина отшатнулся. Маска с шакальей головой сползла, приоткрывая лицо. Черты расплы-

⁵ Инпу (или Анпу) — древнеегипетское имя шакалового бога Анубиса, покровителя погребальных ритуалов и мумификации, проводник душ. Один из самых первых богов царства мертвых, почитавшийся как судья еще до возвышения культа Осириса.

вались перед затуманенным взором в неверном ало-золотистом свете.

Шепсет протянула к нему дрожащую руку, попыталась сесть, зажимая другой ладонью рану. Кровь выходила толчками, почему-то холодная... И собственный голос звучал хрипло, незнакомо, пугающе:

— Помоги мне...

— Ты... ты же... — мужчина осекся, выставив перед собой окровавленный нож.

Память разворачивалась медленно, неохотно. Она отчетливо помнила ртутные воды и шерсть пса-проводника под ладонью, но и эти видения понемногу меркли, оседая внутри. Шепсет не понимала, где она и как здесь оказалась. Ужасающая слабость мешала двигаться, словно девушка все еще была скована мертвыми волнами небытия. Но боль странным образом отступала — тело будто онемело.

Шепсет облизнула сухие губы. Привкус собственной крови смешивался с горьковатой сладостью. Почему-то важно было вспомнить этот вкус.

— Пожалуйста... я... — Она уставилась на нож, подрагивающей в его руке.

Черный обсидиан. Клинок, которым рассекают плоть, готовя тело к мумификации.

Бальзамировщик готовил к вечности... *ее тело?*

— Ты мертва, — жестко закончил жрец, запечатывая приговор.

Шепсет порывисто покачала головой, сделала еще одну попытку подняться, опираясь о... ритуальный стол, стаскивая за собой льняное полотно.

— Нет, нет, я не... — Она растерянно опустила голову, глядя на окровавленную ладонь, зажимающую рану.

Ноги подкосились, и она крепче ухватилась за ритуальный стол. Перед глазами плыло, но пульсацию хлещущей крови она больше не чувствовала, а боль уже не мешала дышать. Но Шепсет боялась отнять руку, не зная, что обнаружит.

Бальзамирщик успел стянуть мешающую маску. Лицо было незнакомым, но в чертах застыла мрачная решимость — ни тени сочувствия. От его первого страха осталась лишь легкая тень. Мужчина смотрел на нее, как на одну из тварей самых темных уголков Дуата⁶, которую нужно отправить обратно во что бы то ни стало. Коротко он глянул в сторону, стараясь не упускать из вида Шепсет.

Девушка проследила за его взглядом. Оружия в комнате подготовки не было, кроме разложенных на белом полотне ножей и крючьев — его

⁶ Дуат — мир потустороннего в верованиях древних египтян, куда уходят мертвые и где обитают самые разные сущности, от богов до чудовищ.

инструментов. Ближе к ней, у стола, стояли корзины с натроном⁷.

Жрец подхватил второй нож и двинулся на девушку, шепча молитвы Инпу. За его спиной темнел дверной проем, скрытый тяжелой занавесью.

«Ты нужна нам...»

Голоса внутри смешались с шумом и голосами снаружи. Вдалеке кто-то закричал.

Бальзамировщик вздрогнул, инстинктивно обернулся через плечо.

Очень хотелось жить.

Быстро зачерпнув горсть натрона, Шепсет швырнула соль в лицо бальзамировщику. Мужчина вскрикнул, не успев заслониться, яростно тер глаза, проклиная ее. Девушка оттолкнула его с пути и, оскальзываясь, устремила к выходу. Добежав до порога, Шепсет рванула занавесь, едва не запутавшись в ней, слыша уже, что сюда идут другие. Слыша, что за спиной пришел в себя бальзамировщик.

Она буквально вытолкнула свое тело вперед, в полумрак смежного зала. Показалось, или брызнули в стороны, разбегаясь, собачьи тени? В следующий миг яркий свет факелов ослепил ее. Шепсет дернулась было вперед, не разбирая дороги,

⁷ Натрон — особая смесь соли и соды, природная или приготовляемая специально. Использовалась при бальзамировании и для ритуального очищения.